

УДК 821.161.1.09-3

**У БАРЬЕРА
(ПСИХОЛОГИЗМ ЛЕРМОНТОВСКОГО ИЗОБРАЖЕНИЯ)**

Ю. М. Никишов

Тверской государственной университет
кафедра истории русской литературы

Лермонтов обнаруживает умение глубоко проникать во внутренний мир своих героев. Для наблюдений выбрана самая напряженная сюжетная сцена в повести «Княжна Мери» – сцена дуэли. Грушницкий прожил нескладную, наигранно фальшивую жизнь. Но на последней черте он выдержал экзамен на человека, доказав, что и честь, и совесть в нем есть. Печорин насобирает фактов, которые приглушают голос его совести и не позволяют ей остановить роковой выстрел. Но он месяцами пропускает драматические события перед судом совести, пока не записывает их, не утаивая эпизоды, в которых не полностью прав.

Ключевые слова: Лермонтов, психологизм, дуэль, честь, совесть, испытание.

О выдающейся роли «Героя нашего времени» в развитии русской литературы писали многие исследователи, от этой книги ведется отсчет психологического анализа в изображении персонажей. Нет надобности в дополнительных мотивировках этого тезиса, но никогда не будет прочерпан до дна емкий эмпирический материал. Посмотрим под «психологическим» углом зрения на ключевой элемент сюжета в сцене дуэли («Княжна Мери»). Особое внимание уделим тексту повести. Но сцена привлекала к себе и многих исследователей. Ей специально посвящена статья М. Картавцева «Тайна Печорина (Анатомия одного преступления)» [8]. Здесь встречаются точные и тонкие наблюдения, но автор занимает позицию не наблюдателя, а прокурора, с уже принятым категорическим решением. Думается, исследователь обязан взвесить и «за», и «против».

М. Картавцев свое убеждение обозначил уже в заглавии статьи, а подчеркнул эпитетом к ней; в качестве такового взят обмен репликами в диалоге Печорина и Мери: «– Разве я похож на убийцу?.. – Вы хуже...» Применительно к ссоре с Грушницким это означает: тайное перевешивает открытое. Впрочем, о каких тайнах говорить: факты берутся из журнала героя (и больше взять неоткуда!). По поговорке: факты – упрямая вещь. Только мало ли найдется попыток переупрямить факты!

Можно ли доверять искренности Печорина? Сентенции журнала Печорина неоднородны. Изрядная их часть – вкусовые оценки героя; о вкусах не спорят; они – знак, что герой смеет «свои суждения иметь». Суждения такого рода позволяют нам яснее видеть самого героя, а не предметы, на которые направлены его мысли. Другая группа суждений дает основание для сравнений. Примеров, когда позиции героя и исследователей не совпадают, предостаточно; у читателя могут возникать иные, чем у героя, оценки предметов, персонажей, событий. Получается, что критерий обнаружения несовпадения оценок героя с объективным значением того, что оценивается, не слишком надежен. Увы, степень объективности оценивается не иначе, как субъективно! И все-таки важна сама установка. Стремление понять писателя,

обязательство мотивировать свой выбор могут противостоять субъективистскому произволу.

Финал ссоры носит роковой для Грушницкого характер. Возникает вопрос: когда Печорин принимает решение произвести несущий смерть выстрел?

Для М. Картавцева такого вопроса не возникает за очевидностью ответа: «слово “дуэль” применительно к рассматриваемой ситуации должно быть взято в кавычки. То, что произошло между Печориным и Грушницким на площадке скалы, фактически явилось борьбой без правил, бесчестной с обеих сторон, но с разными ставками. Если один участник имел целью причинение незначительного вреда сопернику, а затем вовсе отказался от этого, то для другого дуэльный выстрел стал последней точкой в приговоре, который он вынес и сумел осуществить за месяц с небольшим пребывания на курорте» [Там же, с. 214–215]. Приговор – дело серьезное. Бывает, что приговор приводится к исполнению тотчас. В практике и другое, когда между приговором и его исполнением возникает солидная пауза. Но Печорин, умеющий подчинять себе обстоятельства, ничего не делает для того, чтобы форсировать события. Оба сослуживца поддерживают внешне приятельские отношения, хотя друг друга не любят.

Грушницкий неприятен своими претензиями. Он говорит «очень важно»: «...Пожалуйста, не подшучивай над моей любовью, если хочешь остаться моим приятелем...» (Полужирным шрифтом здесь и далее выделено мною. – Ю.М.) [9, с. 535]. Печорин продолжает над ним подшучивать, но не вслух, а в журнале; тем и пар выпускает, не перегревается. Агрессия враждебной шайки под командой Грушницкого нарастает: «...про меня и княжну уж распущены в городе разные слухи: это Грушницкому даром не пройдет!» [Там же, с. 551]. Но и это – угроза на воздух. Важнейший эпизод в обострении конфликта – случай, когда Печорину довелось узнать о заговоре против него с вызовом на шутовскую дуэль. «Я с трепетом ждал ответа Грушницкого... Если б Грушницкий не согласился, я бросился б ему на шею» [Там же, с. 556]. Но он согласился. Печорин волнуем «двумя различными чувствами» – грустью и «ядовитой злостью». Эта запись переходит в прямую угрозу: «Берегитесь, господин Грушницкий! <...> Со мной этак не шутят. Вы дорого можете заплатить <не пишет: заплатите!> за одобрение ваших глупых товарищей. Я вам не игрушка!..» [Там же, с. 556]. Но и это лишь эмоции!

И вот конфликт получает резкое обострение. «...дело выходило из границ шутки: они, вероятно, не ожидали такой развязки» [Там же, с. 563]. Вызревает дуэль (без кавычек), даже без формального вызова, по обоюдному согласию; просто Печорин извещает драгунского капитана, несомненного секунданта противника, о присылке секунданта своего. Доктор Вернер, согласившийся стать секундантом Печорина и оповещенный им о заговоре и плане шутовской дуэли холостыми выстрелами, является на переговоры и слышит фрагмент спора, из которого понимает, что планы противников переменились: драгунский капитан готов зарядить, но только один пистолет. Многозначительную реплику Вернера: «...Грушницкий, кажется, благороднее своих товарищей» – Печорин пропускает мимо ушей» [Там же, с. 564].

В два часа ночи перед дуэлью делается запись, в которой Грушницкий упомянут бегло: «А! господин Грушницкий! ваша мистификация вам не удалась... мы поменяемся ролями: теперь мне придется отыскивать на вашем бледном лице признаки тайного страха» [Там же]. Козырь у него в руках – требование зарядить его пистолет. Когда и как его предъявить, подскажут обстоятельства. Сейчас Печорину и отвлекаться на обдумывание этого не хочется: он очень серьезно подводит итог

собственной жизни! Подозревать, что такие размышления – камуфляж, а на деле он затевает, как ему лучше (да по виду – еще и благороднее) убрать со своего пути надоевшего приятеля-врага или (по версии исследователя) как ему совершить преступление, но чтобы не было видно, что совершено преступление, – значит криво понимать героя и, что хуже, писателя.

Печорин не исключает возможности своей смерти: «что... если моя звезда наконец мне изменит?..» Он хладнокровен: «Что ж? умереть так умереть! потеря для мира небольшая; да и мне самому порядочно уж скучно» [Там же]. Даже резче: «...стоит ли труда жить? а все живешь – из любопытства...» [Там же, с. 565].

На рассвете, хотя лицо и хранило «следы мучительной бессонницы», Печорин остался доволен своим видом. «Холодный кипяток нарзана» вернул ему бодрость. Он расхохотался на маленькую фигурку доктора, явившегося под огромной косматой черкесской шапкой. Да и секунданта своего он развеселил, предложив себя в качестве объекта для важных физиологических наблюдений: «Ожидание насильственной смерти не есть ли уже настоящая болезнь?» [Там же, с. 566].

В пути Печорин вряд ли думал о дуэли. На коне среди природы он всегда сливался с ней, в это утро – особенно трепетно. Зато, встретившись с противником, он уж ни на что не отвлекается.

Замысел свой Печорин формулирует прямо, и это не приговор, а условие, но в нем содержится некоторая двусмысленность: «Я решился предоставить все выгоды Грушницкому; я хотел испытать его; в душе его могла проснуться искра великодушия, и тогда все устроилось бы к лучшему...» [Там же, с. 570].

Якобы «выгодное» для Грушницкого условие фактически невыполнимо: «...вы нынче же публично откажетесь от своей клеветы и будете просить у меня извинения...» [Там же, с. 568]. Может ли Грушницкий счесть свое обвинение Печорина клеветой? Он же с драгунским капитаном видел Печорина ночью на балконе княжны Мери. Оба караульщика не заметили (и не говорят о том, чего не заметили), как Печорин оказался на балконе (он спустился с верхнего этажа, а потом задержался на балконе, посмотрев, как княжна сидит в постели перед раскрытой книгой, не читая ее). Грушницкий ошибается, иронизируя над княжной, но он не знает, что ошибается лишь адресом. Понимает ли Печорин, что его условие принять невозможно?

А. А. Аникин возводит на Печорина чудовищное обвинение: «...Печорин оклеветал княжну, признавшись перед своими противниками, что был ночью у нее...» [1, с. 15]. Но быть на балконе и под балконом княжны не означает – быть у нее. Произвольное обвинение Печорина поддерживает Е. Н. Иваницкая: «Грушницкий... “добросовестно заблуждается”. Печорин же знает правду и сознательно клеветает» [7, с. 218]. Обвинение Печорина в клевете, да еще сознательной, – это прямая клевета на героя со стороны исследователей. Чего они требуют? Чтобы в ресторации Печорин объявил (а его слышит и муж Веры), что он был не у княжны, а этажом выше? Он всего лишь оставляет своих противников в их «добросовестном заблуждении».

Впрочем, Печорин ждет от Грушницкого и другого отказа – от нарушения дуэльного кодекса; но практически невозможно совместить одно и другое (разоблачение шаржа, придуманного для пародийной дуэли, и защиту доброго имени княжны). Поединок на шести шагах, ухмыляясь, предлагал драгунский капитан, когда ими замышлялась дуэль шутовская. При обсуждении условий настоящей дуэли шести шагов требовал Грушницкий; так и условлено. Решивший испытывать

Грушницкого, Печорин не учитывает, что имеет дело со слабым человеком: «Согласившись принять участие в жестоком и коварном издевательствах над Печориным, Грушницкий сразу теряет контроль над событиями. Им, как марионеткой, управляют, с одной стороны – драгунский капитан, а с другой – Печорин» [5, с. 214]. Так что его внутренних переживаний, пробуждения великодушия недостаточно, чтобы изменить ход событий.

Вернер, как и положено секунданту, предлагает соперникам примириться. Печорин изъявляет согласие. «Капитан мигнул Грушницкому, и этот, думая, что я трушу, принял гордый вид, хотя до сей минуты тусклая бледность покрывала его щеки. С тех пор как мы приехали, он в первый раз поднял на меня глаза; но во взгляде его было какое-то беспокойство, изобличавшее внутреннюю борьбу» [9, с. 568]. Беспокойство во взгляде как знак внутренней борьбы – психологически деталь точная, индивидуальная. Она свидетельствует: Грушницкий не лишен совестливости; это его совесть бунтует против бесцеремонности драгунского капитана; но и на открытый бунт против него, идя на попятную, он не способен, потому что когда-то согласился принять участие в придуманной тем подлой игре.

Противники обменялись колкостями. Печорин предлагает подумать:

«...Один из нас непременно будет убит.

– Я желаю, чтобы это были вы...

– А я так уверен в противном...

Он смутился, покраснел, потом принужденно захохотал.

Капитан взял его под руку и отвел в сторону; они долго шептались. Я приехал в довольно миролюбивом расположении духа, но все это начинало меня бесить» [Там же, с. 568].

Тут и возникает ужесточенный план дуэли, когда получивший только ранение был обречен на смерть в результате падения со скалистого обрыва. Возражений новый план не вызвал. И Грушницкий «...кивнул головой в знак согласия. Лицо его ежеминутно менялось. Я его поставил в затруднительное положение. Стреляясь при обыкновенных условиях, он мог целить мне в ногу, легко меня ранить и удовлетворить таким образом свою месть, не отягощая слишком своей совести; но теперь он должен был выстрелить на воздух, или сделаться убийцей, или, наконец, оставить свой подлый замысел и подвергнуться одинаковой со мною опасности. В эту минуту я не желал бы быть на его месте. Он отвел капитана в сторону и стал говорить ему что-то с большим жаром; я видел, как посиневшие губы его дрожали; но капитан от него отвернулся с презрительной улыбкой. “Ты дурак! – сказал он Грушницкому довольно громко, – ничего не понимаешь! Отправимтесь же, господа!”» [Там же, с. 569–570].

«Все описание дуэли приобретает экспрессивную остроту оттого, что оно бесстрастно» [8, с. 214]. Видно, что М. Картавцев завывает благородство намерений Грушницкого, который, по его мнению, «имел целью причинение незначительного вреда сопернику, а затем вовсе отказался от этого». Первое намерение просто отпало (и не по его воле), когда Печорин настоял на изменении условий дуэли. Поговорить о втором намерении еще предстоит.

Но и Печорин лукавит, когда пишет о своем решении «предоставить все выгоды Грушницкому» в расчете на его великодушие: ходов достойного поведения у того просто нет; Печорин же готовит и альтернативное решение: «Я хотел дать себе полное право не щадить его, если бы судьба меня помиловала. Кто не заключал таких условий с своей совестью?» [9, с. 570]. Вот тут – слабое место в позиции Печорина. В ставках на великодушие Грушницкого и на копилку фактов его недобрых поступков нет равенства. В словах Печорина заметна попытка самооправдания.

Брошен жребий.

Совершенно фантастическое описание этого эпизода дано в статье М. Картавецва: «... собственно жеребьевка и объявление ее результата не есть тождественные действия; если первое относится к компетенции случая, то второе – сфера человеческой деятельности, повлиять на которую можно» (Если бы это «второе» можно было применять активно, к жребию просто перестали бы прибегать). «Автор нашей истории изложил факты так. Доктор подбросил монету, она упала, звеня, все бросились к ней – и точка, обрыв мысли. Какой стороной упала монета, кто из дуэлянтов угадал, мы не узнаем никогда. Печорин лишь объявил, опередив остальных, результат Грушницкому: “Вы счастливы, вам стрелять первому”. Сомневаться в правдивости сообщения и перепроверять его в этой ситуации никто не станет: здравый смысл исключал возможность лжи, которая противоестественна, так как объявленный итог очевидно противоречит интересам объявившего» [8, с. 210]. Это как же надо заполнять лауну лермонтовского повествования!

Есть разница? Писатель делает описание плотным, опуская подразумеваемое: все бросаются к монете, **видят, как она легла**, Печорин комментирует результат. Критик в минимальный зазор между двумя деталями повествования вставляет ни много ни мало противоправное действие героя. Монета падает, звеня, все бросаются к ней (да и монету не откидывают в сторону, но подбрасывают там, где люди; иначе и доктора надо зачислять в сообщники опекаемого), – а Печорин оказывается самым шустрым, хватает монету и объявляет результат? И никто не успел заметить, какой стороной легла монета? Поведение дуэлянта (сокрытие результата) в таком случае становилось настолько демонстративным, что становилось, вопреки намерениям персонажа, подозрительным. А конечный результат отчетливо бы выявил, что якобы отказ от видимого здравого смысла был не великодушием, а злонамеренным умыслом. Печорин, конечно, игрок, но подозревать его в демонстративном шулерстве – явный перебор. Самое пикантное состоит в том, что подобной шустростью Печорин не скрывал бы, а именно обнаруживал перед всеми, что он – сознательный убийца. Но именно к такому заключению и ведет нас критик.

Нет, звезда еще не изменила Печорину: выпавший жребий отвечает его интересам. Стрелял бы он первым и убил противника – к нему претензий не было бы. Но это походило бы на расправу, некрасиво. Теперь он, конечно, серьезно рискует, но риск он расчетливо умеряет упованием на великодушие либо смятение противника, а после обращает в успокоительное средство для своей совести.

«– Вы счастливы, – сказал я Грушницкому, – вам стрелять первому! Но помните, что если вы меня не убьете, то я не промахнусь – даю вам честное слово.

Он покраснел; ему было стыдно убить человека безоружного; я глядел на него пристально; с минуту мне казалось, что он бросится к ногам моим, умоляя о прощении; но как признаться в таком умысле?.. Ему оставалось одно средство – выстрелить на воздух; я был уверен, что он выстрелит на воздух! Одно могло этому помешать: мысль, что я потребую вторичного поединка» [9, с. 571].

Настает решительная минута. Положение Грушницкого наитруднейшее. Стыдно убивать безоружного. И нет времени подумать – что будет после якобы «промаха», а фактически после выстрела Печорина холостым из не заряженного пулей пистолета.

«Грушницкий стал против меня и по данному знаку начал поднимать пистолет. Колени его дрожали. Он целил мне прямо в лоб...

Неизъяснимое бешенство закипело в груди моей.

Вдруг он опустил дуло пистолета и, побледнев как полотно, повернулся к своему секунданту.

– Не могу, – сказал он глухим голосом.

– Трус! – отвечал капитан.

Выстрел раздался. Пуля оцарапала мне колено» [Там же, с. 571–572].

На этот раз не сказано, куда целил Грушницкий (да и целил ли он, на шести-то шагах?). А стреляет он не в голову или грудь, а в ногу... Получилось не совсем так, как утверждает исследователь, но в главном он прав: «Грушницкий неспособен спокойно стрелять в безоружного. А Печорин твердо рассчитывает на это и идет под выстрел совершенно спокойно. Он знает про нравственную черту, которую человек не может перейти» [5, с. 214].

Секунданты прощаются с Грушницким («капитан едва мог удержаться от смеха» [9, с. 572]).

«Я до сих пор <а это полтора месяца в крепости плюс, видимо, немалое время в ожидании транспорта с продовольствием, с которым он и прибыл туда> стараюсь объяснить себе, какого рода чувство кипело тогда в груди моей: то было и досада оскорбленного самолюбия, и презрение, и злоба, рождавшаяся при мысли, что этот человек, теперь с такою уверенностью, с такой спокойной дерзостью на меня глядевший, две минуты тому назад, не подвергая себя никакой опасности, хотел меня убить как собаку, ибо раненный в ногу немного сильнее, я бы непременно свалился с утеса.

Я несколько минут смотрел ему пристально в лицо, стараясь заметить хоть легкий след раскаяния. Но мне **показалось**, что он сдерживал улыбку» [Там же, с. 572].

А вот это «показалось» (существенная добавка на весах, где соперничают чаши «простить» и «не жалеть») – не наверняка, очень субъективное.

Преодолевая сопротивление драгунского капитана, Печорин требует зарядить его пистолет.

«Грушницкий стоял, опустив голову на грудь, смущенный и мрачный.

– Оставь их! – сказал он наконец капитану, который хотел вырвать пистолет мой из рук доктора... – Ведь ты сам знаешь, что они правы» [Там же, с. 573].

Теперь сравним последние реплики персонажей.

«– Грушницкий! – сказал я, – еще есть время; откажись от своей клеветы, и я тебе прошу все. Тебе не удалось меня подурочить, и мое самолюбие удовлетворено; вспомни – мы были когда-то друзьями...

Лицо у него вспыхнуло, глаза засверкали.

– Стреляйте! – отвечал он, – я себя презираю, а вас ненавижу. Если вы меня не убьете, я вас зарежу ночью из-за угла. Нам на земле вдвоем нет места... <Только теперь давно вызревавший приговор подписан.>

«Я выстрелил...» [Там же, с. 572].

Эту последнюю пикировку Печорин проиграл. Его требования Грушницкий выполнил по максимуму, для него возможному: он признал, что дуэль с Печориным включала провокацию против него. «Поведение Грушницкого, прекратившего жестокую игру, по-человечески достойнее поведения Печорина, продолжающего оказывать психологическое давление...» [6, с. 185]. А что значило требование отказа от клеветы? Публичное заявление, что Печорина не было на балконе княжны? «Клевета» гасилась бы прямой ложью ради спасения жизни... Это Печорин не искренен,

напоминая: «...мы были когда-то друзьями...» (только внешне, а оба не любили друг друга, и неприязнь росла).

Печорин записал, что приехал к месту дуэли в миролюбивом настроении и хотел бы в Грушницком пробуждения человечности; но вот условие для этого выдвинуто явно неприемлемое. Единственное, чего добился Печорин, – честного признания в неискоренимой ненависти. После этого исполнение воли судьбы быть топором в данной истории совесть позволила, но все равно в нем самом, не только в недоброжелателях героя оставляет тягостное впечатление.

Грушницкий прожил нескладную, наигранно фальшивую жизнь. Но на последней черте он выдержал экзамен на человека. Доказал, что и честь, и совесть в нем есть. «Смерть Грушницкого, во всяком случае, прекрасна. Так не высмеивают людей» [2, с. 408]. Его под честное слово Печорин предупредил, что не пожалеет, а он, впрочем, недооценив угрозу, великодушно не посмел стрелять на поражение в безоружного человека. И – вершина: «Я себя презираю...» Это чувство пережито впервые, и оно поднимает героя на достойный уровень. Это знак кризиса, который мог быть плодотворным, открыв путь уже к не надуманной, а реальной жизни. И – фактическая смелость сказать в глаза о ненависти к человеку, который стоит в шести шагах с заряженным пистолетом. О силе этой ненависти говорит угроза расправиться с обидчиком нападением из-за угла. Насколько вероятной была эта угроза? Гадать не имеет смысла. От намерения до исполнения существует дистанция; неведомо, как она была бы (и была ли бы) преодолена. А вот настроение выражено весьма темпераментно.

Можно сказать, что Грушницкий выполнил условие, при котором Печорин мог бы его простить, – не буквально, поскольку буквально условие выполнить было невозможно, но адекватно: Печорин добился от него реальности оценок. Добился и ненависти? Заслужил! Гаси собственным великодушием. Но Печорин – плохой воспитатель, поскольку думает только о себе, а о других – только применительно к себе.

Печорин насобирает фактов, которые приглушат голос его совести и не позволят ей остановить роковой выстрел. А все-таки, ужесточая условия дуэли, да, рискуя при этом, он осознанно становится хозяином положения. Он учитывает, что Грушницкому будет трудно стрелять в безоружного, даже делает ставку на надежду, что будет выстрел на воздух. Детали не угадал, но в расчетах не обманулся. На прямую подлость он не способен, но из-за случайной осведомленности в ситуации не гнушается повернуть ее в свою пользу. Но он и не хвастает своей ловкостью, зато месяцами (!) пропускает драматические события перед судом совести, пока не записал их, не утаивая эпизодов, в которых не полностью прав. Ну, а суд над героем нескончаем, меняется лишь состав присяжных.

На затяжной спор о Печорине (кто он: герой положительный или отрицательный?) давно дала убедительный ответ Л.Я. Гинзбург: «Эта постановка вопроса характерна для современников, привыкших к идеальной, символической функции байронических героев. Между тем для Лермонтова уже почти так же трудно ответить на вопрос – хорош или плох Печорин, как Толстому было бы трудно ответить на вопрос – хорош или плох, скажем, Вронский. Печорин – характер, изображаемый не для того, чтобы служить идеалом или пугалом, но потому, что он существует» [4, с. 177].

Соответственно необходим методологический принцип: в таком герое надо видеть и одну, и другую сторону. Аналитически увидеть и показать одно и другое разом затруднительно. Но исследователю, углубившемуся в какую-либо из сторон героя, надлежит не забывать, что у того есть и сторона другая.

Список литературы

1. Аникин А. А. Одна цитата: тайна печоринского дневника // Литература в школе. 2001. № 8. С. 14–17.
2. Анненский И. Ф. Юмор Лермонтова // М. Ю. Лермонтов: *pro et contra*: антология. СПб. : Изд-во Рус. христианского гуманитарного института, 2002. 1080 с.
3. Виноградов В. В. Стиль прозы Лермонтова // Виноградов В. В. Язык и стиль русских писателей. От Карамзина до Гоголя. М. : Наука, 1990. С. 182–270.
4. Гинзбург Л. Я. Творческий путь Лермонтова. Л. : Худож. лит., 1940. 233 с.
5. Гольдфаин И. И. Три литературные модели // Звезда. 1995. № 11. С. 212–217
6. Демиденко Е. Л. Печорин и его двойники // Вопросы литературы. 2012. № 5. С. 175-197.
7. Иваницкая Е. Н. «Ни в ком зло не бывает так привлекательно...». Несколько тезисов о романе «Герой нашего времени» // Нева. 2009. № 10. С. 211–220.
8. Картавцев М. Тайна Печорина (анатомия одного преступления) // Подъем. 1995. № 9. С. 208–215.
9. Лермонтов М. Ю. Сочинения : в 2 т. Т. 2. М. : Правда, 1990. 703 с.

AT THE BARRIER (PSYCHOLOGISM OF LERMONTOV'S DEPICTION)

Yu. M. Nikishov

Tver State University
the Department of the history of Russian literature

Lermontov demonstrates the ability to get deeply into the inner life of his characters. In the paper the crucial scene in the story “Princess Mary” – the scene of the duel – is selected for the analysis. Grushnitski had lived clumsy and feigned false life. But at the last line he passed the examination for being human, and proved that he was a man of honor and conscience. Pechorin had managed to gather enough facts that mute the voice of his conscience, which would not allow it to cancel the fatal shot. But he was for months replaying the dramatic events before the court of his conscience, until he recorded them without hiding episodes in which he was not quite right.

Keywords: *Lermontov, psychologism, duel, honor, conscience, trial.*

Об авторе:

НИКИШОВ Юрий Михайлович – доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: yunik1932@mail.ru.

About the author:

NIKISHOV Yuri Mikhailovich – doctor of Philology, Professor of the Department of the history of Russian literature, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: yunik1932@mail.ru.